

in Poland”. Невозможно понять, почему после названия книги появляется слово Yugoslavia. Это может вызвать впечатление, что работу издали в этой стране, хотя на титульной стороне написано “Interpress Warszawa”⁸. Случается и так, что авторы ссылаются на одну работу, а в ссылке мы находим другую (например, на с. 11 авторы ссылаются на Грелльманна, а в ссылке присутствуют Щербакова и Когальничан). Бедна также используемая литература, не хватает современных публикаций, да и старых, но важных для настоящего времени. Незнание литературы ведет к неправильным выводам, таким, какие не должны присутствовать в книге, изданной Академией наук. Если бы авторы просмотрели подшивки “Journal of the Gypsy lore Society”, “Etudes Tsiganes”, “Lacio Drom”, они не утверждали бы, что никто до них не обращался к обсуждаемой тематике. Они же часто ссылаются на уже устаревшие статьи XIX в. из популярных периодических изданий, на публикации из рубрики “Знаете ли Вы...” в региональном журнальчике “Rrom p-o drom”, которые не годятся в качестве источника в книге, претендующей на научность.

Резюмирую: рецензируемая книга разочаровывает, она полна ошибок, упрощений, сведений давно не актуальных, утверждений, вытекающих не из фактов, а из фантазии авторов. Россия была и остается страной, в которой живут разные группы цыган, где имеется довольно многочисленный по сравнению с другими странами слой цыганской интеллигенции. Но исследования прошлого цыган и их культуры представлены недостаточно. Число публикаций, посвященных цыганам, в последнее время в мире очень увеличилось – в том числе и таких, авторами которых являются сами цыгане. В России же ситуация иная. Цыгане интересуют прежде всего прессу (и то не самую лучшую) и телевидение. Научные работники уделяют им по-прежнему очень мало внимания. Жаль, что когда, наконец, появились благоприятные условия для публикации книги, не стесненной идеологией, авторы не использовали этой возможности. Хочу подчеркнуть, что мои замечания имеют целью исключительно улучшение качества публикаций о цыганах. Я желал бы, чтобы удалось подготовить второе издание обсуждаемой здесь книги, но издание исправленное, где не будет ошибок и небрежностей, а авторы углубят свои знания настолько, чтобы появилась стоящая публикация.

Примечания

¹ Марушиакова Е., Попов В. Циганите в България. София, 1993. С. 29.

² Mujić M.A. Položaj Cigana u jugoslovenskim zemljama pod osmanskom vlašću // Prilozi za orijentalnu I istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom. Sv. III–IV. Sarajevo, 1953; Vukanović T.P. Romi (Cigani) u Jugoslaviji. Vranje, 1983.

³ Fraser Angus, sir. The Gypsies. Oxford; Cambridge, 1995.

⁴ Ficowski J. Cyganie na polskich drogach. Kraków, 1985. S. 15.

⁵ Mróz L. Dzieje Cyganów-Romów w Rzeczypospolitej XV–XVIII. Warszawa, 2001. S. 19.

⁶ Rouart M.-F. Image du Tsigane a travers la literature romantique // Etudes Tsiganes. P., 1982. № 3. P. 19–38.

⁷ Daniłowicz I. O Cyganach wiadomość historyczna. Wilno, 1824.

⁸ Ficowski J. The Gypsies of Poland. Warszawa, 1989.

Л. Мруз

Перевод с польского Л.Н. Черенкова

© ЭО, 2004 г., № 4

“Спор славян между собою” об истории цыган: ответ рецензенту

Прежде чем вступить в дискуссию с глубокоуважаемым Лехом Мрузом, я хочу поблагодарить редакцию за возможность возразить оппоненту “по горячим следам”. Не скрою, узнав о рецензии, я ждал критики, которая позволит скорректировать неточности или ошибки. К сожалению, текст больше напоминал разгром: в монографии “История цыган – новый взгляд” польский цыгановед не увидел ни одного достоинства.

Не хотел бы выглядеть обиженным. Ведь теоретически возможно, что текст, выпущенный под грифом Института этнологии и антропологии (а также защищенный Н.Г. Деметер в качестве докторской диссертации под названием “Цыгане Европы: проблемы этнокультурной истории”), научно несостоятелен. Поэтому выскажу ряд возражений по существу. Написав девять десятых обсуждаемой монографии, я просто обязан первым выступить в ее защиту.

При чтении рецензии прежде всего бросается в глаза большой процент общих рассуждений. Л. Мруз утверждает, что теории наши не новы, но не говорит, кто нас предвосхитил. Конечно, мы не можем знать всей литературы (это невозможно по определению). Но могу ручаться, что глава о генезисе русско-цыганского фольклора концептуально не имеет аналогов в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Можно ли оспаривать, что налицо именно анонсированный в названии “новый взгляд”?

Некоторые нарочитые упреки можно адресовать любому цыгановеду. Разве существует книга, в которой не упущена ни одна научная новинка? Следует учесть, что монография создавалась в кратчайшие сроки – под конкретное финансирование. Жизнь показала, что шанс на публикацию массовым тиражом (и в пристойном полиграфическом качестве) больше не повторился. Так может быть российскую ситуацию лучше почувствовал историк В. Шаповал, откликнувшийся на выход книги следующим пассажем: “Монографического описания истории цыган на русском языке до 2000 г. не было. Теперь есть. ...Богатый фактический материал, карты и иллюстрации, ясное и недвусмысленное выражение авторской позиции – все это делает издание содержательным и привлекательным академическим трудом. Конечно, хотелось бы видеть в книге и библиографию, и указатели, но не все же так сразу”¹.

В рецензии мне хотелось бы увидеть здоровую критику. Приходится повторять, что польский коллега крайне неконкретен. К примеру, немало гневных строк посвящено “советскому образу мышления” и великорусскому шовинизму авторов. Л. Мруз выстраивает длинный ряд обвинений в адрес СССР. Не забыты ни подавление венгерского восстания, ни “пражская весна”, ни вторжение в Афганистан. Из текста рецензии можно понять, что авторы книги если и не отдавали приказов совершить эти акции, то горячо их одобряли. Спешу приятно разочаровать коллегу. Мы – демократы по убеждениям и противники подавления свободлюбивых народов. Как выяснилось, все подозрения в наш адрес базировались на одном единственном слове. Говоря о территориальной экспансии Российской империи, мы употребили слово “присоединение”. Конечно, теперь понятно, что следовало идеологизировать главу, посвященную этнической истории, уточняя каждый раз: “присоединение по приказу агрессивного русского царя”. Но в наши задачи не входило оценки российской военно-политической активности. Печально, что анализ нашего текста подменяется идеологическими клише и яркими притчами об ограблении соседского огорода. Именно такую полемику я назвал бы “советской” по духу.

Не буду перечислять, сколько раз на протяжении рецензии Л. Мруз пытался представить нас намеренно замалчивающими преступления коммунизма. В свою защиту напомним, что именно “Новый взгляд” – первый в отечественном цыгановедении последовательно антикоммунистический текст. На с. 196–212 развенчивается мифология советского периода. Именно глава “История цыган России” содержит анализ политики большевиков, которая нанесла тяжелейший урон всем народам СССР, в том числе и цыганам. Напрасно польский коллега порицает нас за утаивание советского террора. Это несправедливо, поскольку читателю было сказано о бессудных ссылках цыган в Сибирь, повлекших массовые жертвы.

Для меня очевидно, что в основе неприятия книги лежит подсознательное предубеждение к российским авторам. Л. Мруз с явной обидой напоминает нам о разделах Польши. Думаю, для него сюрпризом окажется то, что я (будучи русским) всегда был на стороне поляков в этом трагическом конфликте. Но что же поделать, если историческая справедливость требует высказать неприятную правду в цыганском вопросе? Давайте разберем пример с описанием облавы на кочевой народ в Царстве Польском середины XIX в. Рецензент пытается представить дело так, будто все описанные неприглядные события суть порождение русской оккупационной политики. Готов поспорить с этим утверждением. Мои доводы сводятся к следующему. Под контролем кровожадного русского императора была не только несчастная Польша, но также покоренные Украина, Крым, Узбекистан, Армения. Ни на одной из этих обширных территорий власть не устраивала травлю цыган. Массовые облавы с наградой за каждую голову отмечены только в Польше, где существовали, увы, давние традиции антицыганских законов. И я не готов отказаться от утверждения, что конец облавам положила именно ликвидация польской автономии в 1863 г.

Как бы ни было неприятно слышать это поляку, русские (досоветского периода) сами по себе обращались с цыганами мягко. Конечно, если территориальная экспансия приводила к аннексии земель с негуманными законами, империя не всегда могла с ними совладать. Например, в Бессарабии (где исторически сложилось рабство цыган) крепостная зависимость была отменена только в 1861 г. Если же мы будем рассматривать ситуацию непосредственно на территории России, даже самый тенденциозный критик не решится отрицать, что цыгане с момента прибытия получили юридическое равноправие и никогда не были включены в со-

став “инородцев”. Более того, на практике цыгане имели привилегии, недоступные для коренного населения. Напомню: русский “беспаспортный бродяга” подвергался аресту и отправке по этапу, а за цыганами было де-факто признано право на кочевой образ жизни. Если же вспомнить о мощном цыганском купечестве, входившем в торговые гильдии, и о том, что представители аристократии охотно женились на цыганках, то утверждения о дискриминации выглядят мифом.

Я не пытаюсь оспорить обличительные фрагменты рецензии, напоминающие о еврейских погромах. Напоминаю лишь, что в книге по цыгановедению данная информация неуместна. По этой странной логике любого автора, пишущего о цыганах, можно бить даже за то, что он “забыл” обсудить продажу Аляски. Я понимаю, что национальный вопрос в некоторых случаях мешает признать очевидное. Но если русские и были когда-то неправы в “споре славян”, это не значит, что они априори лишены достоинств.

По меньшей мере странным кажется мне упрек в использовании литературы 50-летней давности. Во-первых, если россияне не были знакомы с рядом давно известных в Европе фактов, их требовалось с ними ознакомить. Во-вторых, всей современной литературе когда-то исполнится 50 и более лет. Значит ли это, что ей автоматически предназначено место в мусорной корзине? На мой взгляд, работу историков следует оценивать по критериям профессионализма, а не по свежести выходных данных.

Нам ставится в вину полемика с наивными работами XIX в. Возможно, в Польше проблема элементарного просветительства уже не стоит. Но в условиях России, где самая дремучая мифология по сию пору перетекает из публикации в публикацию, такой труд был необходим. Я с удовольствием обошел бы тему похищения цыганами детей и пресловутых “баронов”. Но в течение ближайших двух десятилетий обсуждать данные темы придется – и это вовсе не “пустая трата времени”. Кстати, далеко не вся полемика нашей книги обращена в прошлое. Глава, где доказывается, что цыган не сжигали тысячами за колдовство, полезна и профессионалам. Ведь даже те современные цыгановеды, которых Л. Мруз ставит нам в пример, по инерции повторяют эту голословную выдумку XIX в.

Как это ни печально, рецензент использует прием недобросовестного цитирования. Так, Л. Мруз приписывает нам утверждение, будто из Индии мигрировали люди с авантюрной психологией. Между тем ни о какой Индии в обсуждаемом отрывке (с. 18) речь не шла – там говорилось о Византии. Эта подмена географического названия кардинальна. В первом случае (поскольку не существует литературных источников) нас легко представить в глазах читателей шарлатанами. Во втором мы выступаем как исследователи, представившие доказательства. Мы действительно полагаем, что Византию покинула самая авантюрная часть цыган, поскольку имеем документы, фиксирующие хитроумные версии “пилигримов” (см. парижскую хронику за 1427 г., которая показывает, как вожаки-авантюристы использовали в корыстных целях религиозные чувства европейцев). Наш дополнительный аргумент – принципиальная разница в способах заработка между ушедшими и оставшимися цыганами. Итак, намеренная подмена ключевых слов не делает чести столь серьезному ученому, как Л. Мруз.

Мы “уличены” рецензентом в слабом знании хронологии. Печально, что здесь Л. Мруз опять прибегает к подтасовкам. Цитирую рецензию: “...далее (с. 28) авторы еще раз утверждают, что в Польше цыгане появились в 1501 г. и что это подтверждает документ, выданный королем Ягелло (Йогайло)”. Далее следует упрек, что в реальности этот монарх умер на 69 лет раньше. Разумеется, доверчивый читатель должен возмутиться безграмотностью россиян. Но не будем спешить. Заглянем, как и рекомендовано рецензентом, на с. 28. Там при упоминании польского короля вообще нет даты, а соответственно фиктивен и анахронизм. Не надо большого искусства для того, чтобы придумывать оппонентам промахи, а потом с блеском их опровергать.

Другой метод “критики” – нарочитая вульгаризация нашей позиции, позволяющая развенчать претензии россиян на роль цыгановедов. Есть и другие беспроектные способы выставить рецензируемого автора непрофессионалом. Как известно, по самой природе науки любой исследователь работает, опираясь на труды коллег. Когда мы цитируем ту или иную книгу, предполагается, что ответственность за возможные неточности несет ее автор. Л. Мруз сознательно игнорирует эту тонкость. В частности, он странно разоблачает нашу некомпетентность, поскольку мы упомянули, что цыгане в Дубровнике делали кожаные ремни (с. 15). По мысли рецензента, мы должны были бросить все и углубиться в архивную перепроверку этих сведений. Допустим, мы выяснили бы, что ремней цыгане упомянутого города не делали. Это как-то поколебало бы неоспоримую истину, что цыгане Балкан были в XIV в. ремесленниками? Наш пример был частным, можно было бы взамен привести десятки других.

Теперь по существу. В одной из своих последних книг Е. Марушиакова и В. Попов следующим образом излагают факты: «В городском архиве Рагуза (ныне Дубровник) упомянуты два брата “египтянина” Влахо и Витан, изготавливающие посеребренные кожаные ремни, часть которых они дали в залог местному ювелиру»². Итак, в книге, вышедшей в 2000 г., болгарские этнологи утверждают, что цыгане заложили часть произведенной своими руками продукции. Возникает вопрос, почему российский исследователь непрофессионален в силу цитирования цыгановедов, не менее авторитетных, чем сам Л. Мруз? Если научный мир примет критерии, которые нам навязывает рецензент, то обесценятся и его собственные скрупулезные исследования – ведь тогда и на его книги нельзя ссылаться до поездки в Польшу и личной перепроверки его выводов. Или такой подход применим только к россиянам? Я не припомню, чтобы Л. Мруз критиковал поставленного нам в пример Франсуа Во де Фолитье за его утверждение, будто русская императрица Елизавета сформировала из цыган два кавалерийских полка³. А ведь в данном случае имел место неверный перевод. В реальности с цыган брали налоги на содержание армии. Как мы видим, явные ошибки (коих у Во де Фолитье и прочих европейцев предостаточно) не становятся поводом для тотального разгрома. Российский же цыгановед не имеет права добросовестно заблуждаться. Даже опечатки в его трудах трактуются как признак умственной неполноценности.

В рецензию включена фраза, что фотографии и репродукции гравюр к нашей книге подобраны случайно. Обосновывая этот тезис, рецензент задает авторам вопрос: «...Почему без каких-либо комментариев они помещают фотографию Сличенко и фрагменты спектакля в театре “Ромэн”, то есть именно “не существующих” цыган?».

Мне непонятно, чем раздражает коллегу тот факт, что рассказ о театре сопровождается фотографией его руководителя. Иллюстрации к “Истории цыган” напрямую соотносятся с текстом. Читатель, который поверит Л. Мрузу, может подумать, будто мы наводнили зрительный ряд фрагментами спектаклей, выдавая их за этнографически достоверные иллюстрации. На самом деле в “Истории цыган” всего одна театральная сцена. И она отнюдь не случайна. На с. 75 говорится о демонизации цыганского вожака в советском искусстве. Именно такой “грозный” персонаж приведен в доказательство наших слов. Л. Мруз приводит читателя в заблуждение, утверждая, будто данная иллюстрация помещена “без каких-либо комментариев”. Под фотографией находится подпись «В спектаклях театра “Ромэн” вождь неизменно представлял злодеем». Если это не комментарий, то что?

Я не могу также принять всерьез критику по поводу своих взглядов на цыганский костюм. Л. Мруз предлагает сравнить иллюстрации (на с. 27, 43, 74, 78, 140, 276), опровергающие якобы ношение цыганами костюмов “византийского покроя”. Следуя совету рецензента, я еще раз взглянул на данные изображения. Часть из них действительно показывает византийский комплекс из рубахи и плаща, а часть относится к этапу новых заимствований. Иначе говоря, указанный зрительный ряд подтверждает эволюцию цыганского костюма, описанную в моих работах.

Меня поразили замечания по поводу авторских иллюстраций. Как понял читатель из рецензии Л. Мруза, я не только литератор, но и профессиональный художник. От цыган мне не раз доводилось слышать упреки, будто бы я “унижаю” их народ, рисуя женщин грязными, оборванными и босыми. В ответ я вынужден был ссылаться на архивные фотографии и прочие источники. И вот впервые прозвучал иной упрек – в голливудском приукрашивании таборной жизни. Этот пассаж рецензии и есть лучший показатель предвзятости. Возможно, польский автор рассуждал на то, что читатель не увидит обсуждаемых иллюстраций. Но я предлагаю публике рассудить нас, доверяя собственным глазам. Разве не одеты в рваное тряпье мать и дочь на картине “Линия судьбы”? Разве не заляпаны грязью босые ноги девочки на картине “Цыганский табор”? И кто рискнет назвать чистым замызганный подол ее юбки? В дыру на рубахе юноши с картины “Водопой” можно просунуть голову. Штаны его в пятнах. Можно ли все это не заметить?

Не знаю, кстати, бывал ли мой польский коллега в реальном таборе. Что касается меня, то я подолгу жил в палатках цыган из Закарпатья, жены которых ходят просить подаяние с детьми, привязанными за спиной. Я фотографировал цыганок из групп владшского происхождения, сохранивших традиционный костюм. Кстати, они, подобно “мадьяркам”, до сих пор нередко ходят босыми. Мой фотоархив позволяет судить о степени пресловутой таборной неопрятности лучше, чем умозрительные представления архивистов.

Мне отраднo осознавать, что при всей своей предвзятости Л. Мруз обнаружил в главе о гитлеровском терроре только одну хронологическую “ошибку” в несколько месяцев. На самом же деле ошибки нет и здесь – есть придирка стилистического характера. Я описывал кон-

кретную акцию по уничтожению немецких цыган в Освенциме. Естественно, из экономии места не сделал оговорку о том, что в других концлагерях геноцид шел и ранее. Пусть господин Мруз не думает, будто я нахожусь в неведении о концлагере Ясеновац и прочих печально известных местах массовых убийств.

Рецензент осуждает нас за обращение к несолидным источникам. В частности, упоминается цитирование цыганского журнала “Rrom p-o drom”. Может быть, польскому рецензенту не нравится читать, как польский пособник оккупантов по фамилии Гудзэк расстрелял в один день 93 жителя цыганской слободы включая детей и беременных женщин. (Ведь неоднократно сказано, что все зло от русских.) Между тем данная публикация, основанная на показаниях свидетелей, не может быть произвольно отброшена только в силу появления под “несолидной” обложкой. Мы видим здесь пример профессиональной узости. В нескольких местах рецензии пальма первенства отдается именно архивным документам, а пользование открытыми источниками трактуется как признак дилетантизма. Я не отрицаю важности исследований в архивах. Но если журналист достоверно описал факт геноцида, я готов ссылаться даже на газету “Правда”.

Как выясняется, российскому исследователю рискованно повторять даже общеизвестные факты. Л. Мруз порицает нас за фразу: “хотя падение авторитарных режимов большинство восточноевропейских цыган встретило с энтузиазмом, их положение нигде не улучшилось, а во многих странах даже ухудшилось” (с. 229), называя эти слова неправдой и сетуя, что авторы не объясняют, на каких фактах основываются. Но разве мы были голословны? В указанной главе приводились статистические данные о массовой безработице, беженцах, цыганских погромах и росте неграмотности. Оказывается, этого мало! Возникает вопрос, почему польский автор “ставит на место” только россиян и не одергивает европейских специалистов, подкрепляющих тот же тезис колоссальным количеством информации? Для меня унижительно вступать с Л. Мрузом в дискуссию о кризисе цыганской общины после крушения социализма. Вначале ему следует публично опровергнуть материалы правозащитных организаций и мрачную официальную статистику.

Польский коллега начал рецензию заявлением об огромном количестве ошибок в “Истории цыган”. Логично было бы предположить, что он остановится на наиболее бесспорных, но на деле получается иначе. Рецензент заостряет внимание на мелочах, а когда и этого “строительного материала” не хватает, вынужден идти на подлог. Я вижу в такой практике признак большого “запаса прочности” монографии. И в самом деле – нельзя же всерьез считать недостатком то, что в русском тексте я пишу французскую фамилию кириллицей. Представьте себе историческую книгу, подогнанную под требования Л. Мруза! Например, “пакт Молотова-Риббентроп” или “конференция в Ялте с участием Сталина, Churchill и Roosevelt”. На мой взгляд, мы правильно поступили, используя кириллицу в русском тексте, а латиницу в сносках.

Л. Мруз пишет: “Не лучшими оказываются знания авторов и в языкознании”. Это сильное обвинение, мимо которого нельзя пройти. Поэтому приведу цитату из рецензии, “доказывающую” якобы нашу малограмотность: «Название группы *крестевециони* происходит, по мнению авторов, от цыганского слова *крестевецо* – огурец (с. 84), а *маймунари* от цыганского слова, означающего обезьяну (с. 106). Жалко, что авторы не заглянули в сербский словарь; тогда бы они узнали, что “огурец” по-сербски – *краставац*, а “обезьяна” – *мајмуна*; эти слова, заимствованные цыганским языком, являются важным указателем миграций, но не объясняют, почему группа присвоила себе название по огурцу».

Вряд ли здравомыслящий человек согласится, что эти рассуждения могут уличить нас в слабых лингвистических познаниях. Два упомянутых в книге слова заимствованы. Разве этим заявлением Л. Мруз открывает кому-то глаза? Подобно всем цыгановедам мира, мы уверены, что значительная часть лексики цыганского языка заимствована, но разве от этого она перестает быть цыганской? Приведу параллель: в предложении “Хирург оперировал пациента” (оно, несомненно, написано на русском языке) все слова имеют иностранное происхождение. Разумеется, будучи вменяемыми людьми, мы не увязали в комментариях, показывающих, какое цыганское слово имеет немецкое происхождение, а какое – польское или сербское, на то существуют словари. Что касается “каверзного” вопроса, почему патронимическая *кэлдэрарская* группа присвоила себе название по огурцу, то в книге дан на это ответ: “Порой название происходит от предмета, ставшего прозвищем” (с. 84). Делая вид, что он не знает элементарных вещей, Л. Мруз роняет себя. Но раз уж одного примера оказалось недостаточно, назову польскому коллеге еще несколько групп, названных по прозвищу предка: *курносенки, соловейки, головешки, пискунята, хмурки, соколенки, бутылкуря, мерзлякуре, лопухи, каганцы, фрайти, бундаша, пипаиш, шинтейр, козакеште*. Я сознательно сделал выборку по несколь-

ким группам, чтобы показать универсальность системы (причем корни в данных словах заимствованы из разных языков). Если и этого мало, я готов предоставить для размышлений на порядок больше этнонимов. Надеюсь все же, что на этом вопрос о нашем лингвистическом непрофессионализме закрыт. Как мы показали, единственное “слабое место” книги на поверку оказалось способным выдержать любую критику.

Этнологам понятно, что ключевое место нашей книги – таблица формирования цыганских этнических групп (с. 82). Разумеется, для рецензента, желающего поставить россиян на место, очень важно оспорить именно эту часть работы. Сам Л. Мруз решить проблему классификации не смог и пишет, что вряд ли это вообще возможно. “Обращает на себя внимание, – пишет он, – применение в отношении прошлого, временами весьма далекого, современных определений и этнонимов. Старинные архивные документы не позволяют нам утверждать, что именно с этими группами цыган мы имеем дело в XV или XVII в.”. Выдвигая этот спорный тезис, именитый цыгановед делает вид, что ему неизвестны азы этой отрасли знания. Поскольку неспециалистам трудно судить, кто прав, напомним о фактах, которые были “забыты” Л. Мрузом. Целая россыпь цыганских этнонимов письменно зафиксирована румынскими авторами начала XIX в.⁴ Эти самоназвания существуют и поныне, хотя прошло 200 лет. Этноним власских цыган просматривается по украинским архивам с середины XVIII в. и даже ранее⁵. Если и 300 лет мало, напомним, что термин *кале*, сохранившийся до сих пор у цыган Испании, Северного Уэльса (и слегка модифицировано – в Финляндии) имеет историю по меньшей мере в 500 лет. Могут спросить, в каких летописях зафиксировано в столь давние времена наличие этнонима *кале*? Наука дает следующий ответ. Если единая группа разделилась на несколько территориально обособленных и при этом у всех трех сохранилось одинаковое название – с логической неизбежностью следует вывод о том, как звучал изначальный этноним. Кстати, указанная методика позволяет судить, что самоназвания цыган способны сохраняться в течение тысячелетия. Я имею в виду древнее разделение на *лом* (Армения), *дом* (Палестина) и *ром* (Балканы).

На что же рассчитывал рецензент, критикуя нас с заведомо ложных позиций? Видимо, директор Института этнологии и культурной антропологии понадеялся на вес своих прежних научных заслуг в глазах обычного читателя, а отпора со стороны понимающих коллег не ждал. Кто будет публично вступаться за россиян, если те до сих пор остались “советскими”? Критикуя таблицу формирования этнических групп, Л. Мруз высказал мысль, будто в старину не фиксировались самоназвания вновь появившихся кочевников. “Летописцам того времени, как, впрочем, и ученым гораздо более позднего периода, достаточно было факта, что речь идет о цыганах. Известно также, что цыгане перемещались, во всяком случае, значительная их часть. Так, из факта, что часть украинских цыган сегодня определяет себя как *сэрвы*, нельзя сделать вывод, что и в XVII в. цыгане на Украине так себя называли”.

Но именно по этому поводу высказалась в своей диссертации Т. Киселева. Она цитирует указ, изданный в 1624 г. на территории современной Белоруссии, согласно которому местным жителям под страхом штрафа запрещено скрывать вновь появившихся кочевых цыган, именующих себя “влахами и сербами”⁶. Итак, этнонимы в указанный период фиксировались. Возможно, упомянутый Т. Киселевой указ и стал причиной перекочки названных групп цыган на соседнюю Украину, что проливает новый свет на историю влахов и сэрвов.

Как видим, даже при беглом разборе выявляется шаткость позиций рецензента. Очень соблазнительно было бы и далее разбирать один пример за другим. К сожалению, это невозможно из-за ограничений по объему текста. Скажу лишь, что если понадобится, я готов вступить в развернутую дискуссию об индийском периоде цыганской истории, “защитных бумагах”, ношении оружия кочевниками и прочих затронутых “спорных” вопросах.

Для человека, который не нашел в монографии (вызывавшей доселе за рубежом благожелательные отзывы) ничего хорошего, польский автор оказался крайне беспечен. Нельзя брать за разгромную статью, имея в арсенале главным образом эффектные политические ярлыки и искаженное цитирование.

Подведем итоги. Заявленной целью Леха Мруза была критика “Истории цыган” с целью исправления недостатков при переиздании. Как мы уже убедились, собственно критики в данной рецензии практически нет. Есть огульные бездоказательные обвинения. Только в шести случаях авторам указано на неточности (непринципиального характера). По странному стечению обстоятельств Л. Мруз не указал на реальные слабости монографии. А ведь они имеются. Взять хотя бы досадные ошибки в таблицах деления *лотвов* и *крымов* или плохо сформулированный тезис о трех цыганских музыкальных системах (в реальности их гораздо больше). После выхода “Истории цыган” я имел немало бесед с коллегами. Все они, осознавая

важность появления нашей книги в России, дружески указывали на недостатки. И коэффициент полезного действия этих обсуждений был несравнимо выше, чем крайне предвзятой рецензии уважаемого мною польского специалиста.

Примечания

¹ Шаповал В. История цыган на страницах новой книги // История. 8–15 августа 2001 г. № 30. С. 16.

² Марушиакова Е., Попов В. Циганите в Османската империя. София, 2000. С. 21.

³ Vaux de Foletier Francois de. La civilisation du cheval dans le monde Tsigane // Etudes tsiganes. № 1. 1982. P. 15.

⁴ Когалничан М. Очерк истории, нравов и языка цыган // Северная пчела. СПб., 1838. № 77. С. 303.

⁵ Плохинский М.М. Иноземцы в старой Малороссии. Ч. 1. М., 1905. С. 203.

⁶ Киселева Т.Ф. Цыганы европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1952. С. 12.

Н.В. Бессонов